

Россия. — 2002. — 28 марта. — с. 24-25

ОРТИСТ разговорного жанра

Алексей Беляков

Жизнь на Марксе

Миша Леонтьев с детства очень любил лепить и рисовать. Учился в художественной школе. Наверняка он стал бы хорошим художником, если бы поступил в Строгановское, как собирался.

Однако единственным произведением Леонтьева, получившим массовое признание, стала вывеска на кулинарии в Тушине. За нее молодой художник с коллегой получили 60 рублей и 10 килограммов антрекотного мяса.

Впрочем, он мог стать и диссидентом. Лет в шестнадцать с длиноволосыми друзьями они уже вели дерзкие разговоры об «исправлении» нарушенного у нас марксизма. Одним из тех друзей был — да и остается — Константин Кагаловский, ныне вице-президент компании «ЮКОС».

Однажды Миша увидел у Кости собрание сочинений Плеханова. Он предложил другу «чейндж»: тот ему отдает труды первого русского марксиста, а за это получает стенограммы партконференций, штуку редкую. Кагаловский был верным ленинцем и предложение оценил. Так и сделали.

А скоро Леонтьев взял и поступил в Плехановский институт. Возможно, свою роль сыграло и то обстоятельство, что доцентом одной из кафедр «Плешки» была Мира Моисеевна, Мишина мама.

(Кстати, те, кто близко знаком с Леонтьевым, говорят, что он третпный сын. Зовут его: «Миш, пойдём выпьем!» «Нет, — отвечает, — мне к маме надо». А Мира Моисеевна давно собирает все публикации сына.)

Специальность в институте у него была «Экономика труда». После Плехановского можно было рассчитывать на достойную карьеру, тем более что учился Леонтьев хорошо. Даже прилично сдал мучительные экзамены по бухгалтерскому учету и математической статистике.

«Я получил самое хреновое распределение, — говорит Михаил, — поскольку у меня были неприятности с органами. В общезнании я читал вслух диссидентскую литературу. Это не были тайные собрания, а так, дружеские посиделки. Я с удивлением потом обнаружил, что значительная часть дружеских посиделок писала на меня подробные доносы».

Его направили на нормативную исследовательскую станцию Мосгордуправления. Это учреждение занималось внедрением новых форм организации труда на городских свалках, а также в области озеленения и обслуживания общественных туалетов. Леонтьев смеется:

— Я до сих пор не могу забыть, как наши девицы нормировали посещаемость туалетов. Они стояли около сортиров с секундомером — довольно приличные молодые женщины. Жуткое производили впечатление.

Потом был еще Институт экономических проблем г. Москвы. Леонтьев вспоминает, что вся деятельность их отдела состояла в постоянном тихом пьянстве. Только в последние дни года сотрудники трезвели: надо было сдавать годовой отчет.

Михаилу все это быстро надоело: — Я понял, что просто убиваю мозг, время, жизнь.

Здравствуй, дерево!

Между тем у него уже были жена и ребенок. Свою первую жену сам он называет женщиной гиперактивной. Чтобы заработать деньги, она

Он из того самого «поколения дворников и сторожей». В брежневские времена эти интеллигентные мальчики поглощали портвейн и «Архипелаг ГУЛАГ». В горбачевские они стали пить водку и писать манифесты. В ельцинскую перешли на виски и пооткрывали ТОО и СМИ. В путинскую пьют все реже, зато теперь злой и веселый шум их метлы слышен даже в Кремле.

занималась репетиторством и привлекала к этому делу мужа. Леонтьев стал преподавать на дому историю. Ее он знал просто потому, что интересовался, книги читал. Он вообще человек очень образованный.

Судя по всему, преподавателем Михаил был хорошим. Во-первых, почти все его ученики поступали, а во-вторых, многие из них становились его друзьями. Обязательный, умный, ироничный, Леонтьев просто привязывал людей к себе, приручал. И — что немаловажно — отвечал за прирученных, если воспользоваться пошлым выражением Экзюпери.

Кто-то из тех ребят и сейчас с ним работает. А девушка Маша, которую Михаил готовил в МГУ, спустя годы стала его второй женой. (Леонтьев называет Машу ан-

Я до сих пор не могу забыть, как наши девицы нормировали посещаемость туалетов. Они стояли около сортиров с секундомером — довольно приличные молодые женщины

гелом: она терпит его буйный нрав.)

С приходом Андропова стало необходимо подумать об официальной работе. Помогло «Знание». Михаил стал лектором этого славного общества.

— Иногда я просто приходил к ребятам и спрашивал: вы пообедать хотите или ерунду слушать? У меня язык без костей — я долго могу говорить. И мне просто отмечали бумагу, и я шел по своим делам.

Но это тоже быстро надоело. Леонтьев — человек жадный до жизни. Ему всегда хотелось новых ощущений. И дипломированный экономист поступил в ПТУ. На столярско-краснодеревщика. Выбор не был случаен. Тогдашний его тесть коллекционировал старинную мебель. В дом все время приходили масте-

ра, которые превращали рухлядь в ломберный столик времен Александра Первого. Золотые были руки. Только художественного чутья им не хватало. В старинном шкафу могли приладить стеклянные полочки. Смотрел на них Михаил — и решил, что пора ему что-то руками научиться делать — такое, чтоб на века.

По новой специальности, впрочем, работать он не стал. Но толк в хорошей мебели с тех пор знает. Изделий из ДСП у него дома не водится.

Перестройку Леонтьев встретил на посту. Он тогда как раз устроился сторожем на знаменитую дачу Пастернака в Переделкине. Никакого музея там не было, но люди приезжали посмотреть. Михаил водил их по старым комнатам, рассказывал.

Три дня работа, три дня отдых — очень удобно.

С гневом и пристрастием

Но не таков темперамент нашего героя, чтобы сидеть на даче, когда страна бурлит. Он стал писать.

Предприимчивый режиссер Сергей Кургиян отвлекся от театральных постановок и открыл свой экспериментальный центр. Была там экономическая секция. Возглавлял ее Константин Кагаловский, уже разочаровавшийся в ленинизме. Единственным сотрудником стал Леонтьев.

Тогда, в конце 80-х, начались знаменитые шахтерские забастовки. Любопытный Михаил съездил в Кузбасс, познакомился с шахтерами. Потом приятель из газеты «Социалистическая индустрия» рискнул послать Леонтьева в качестве внештатного корреспондента в Воркуту.

Тут Михаил воодушевился: настоящая жизнь. Об этом эпизоде если рассказывать, то в стилистике романа «Мать»: писал воззвания, агитировал рабочих, выдвигал политические требования, был выдворен из зала суда...

В шахтерском движении Леонтьев разочаровался очень быстро:

— Не знаю, раскаиваюсь я сейчас или не раскаиваюсь, но монстра мы вырастили. К счастью, он оказался таким же бумажным тигром, как и фашизм Жириновского. Деградируют они очень быстро.

Леонтьев никогда не отличался кротостью в оценках. Но все, кто знает его, уверяют: о чем-либо он судит, только потрогав своими руками. Про него неизменно говорят: заводной, страстный. Но не злой.

Ольга Романова, соведущая Леонтьева еще в программе «На самом деле» вспоминает:

— Он страшно воевал с Валентином Павловым, когда тот был премьером. Но когда Павлов уже сидел в Лефортове, Мише было интересно с ним общаться просто по-человечески.

...Поработав у Кургияна, он написал статью под названием «Новый консенсус». Дал почитать друзьям и знакомым. И кто-то, даже не спросив разрешения, отнес статью в популярную тогда прибалтийскую газету «Атмода». После чего Леонтьева пригласили работать в отдел политики только что созданного еженедельника «Коммерсантъ». В том же отделе уже занимал почетное место публицист Максим Соколов. Правда, с Соколовым Леонтьев познакомился раньше: Максим тоже подрабатывал репетиторством — учил русской литературе.

Но из «Коммерсанта» Михаил ушел довольно быстро. Прежде всего

Лесин, Леонтьев, Любимов

потому, что, отдавая должное тамошним профессионалам, он, человек самолюбивый, совсем не радовался, когда его тексты редактировали.

Скоро Виталий Третьяков стал собирать свою «Независимую газету». Туда и позвали Леонтьева.

Литературный критик Андрей Немзер вспоминает:

– Тогда было такое время, что все мы друг друга любили. Но Мишу любили больше других.

Много идей, много друзей, много водки – вот оно, счастье русского либерала.

Гуси-лебеди

Однако с традиционным интеллигентским либерализмом Леонтьев быстро разошелся.

«Он терпеть не может либералов типа Явлинского», – говорит один леонтьевский приятель.

«Правее меня уже некуда», – констатирует сам Леонтьев.

В его останкинском кабинете висит фотография Аугусто Пиночета.

– Надо помнить, что творилось в Чили в 1973 году! – Михаил заводится. – Несколько десятков тысяч кубинских добровольцев. Не говоря уже обо всякой шпане вооруженной. И был президент Альенде – не столько злодей, сколько дурак и безответственный демагог, который просто не контролировал ситуацию. В стране уже начались массовые убийства, грабежи...

Вся эта штука в Чили была переломом в триумфальном шествии коммунизма.

Когда мы говорим о насилии во время пиночетовского переворота, то роль здесь очень прикладная. Страна должна была умыться кровью. Речь только об одном – об ответственности, которую люди взяли на себя. Я так считаю! Я за это отвечаю! И сдали страну под ключ, в заранее означенные сроки – демокра-

Это не он захотел говорить с президентом, это президент захотел говорить с ним

тическикому правительству из оппозиции.

Любой чилийский водитель в майке с Че Геварой скажет, что Пиночет – гад и сволочь, но экономику он поднял.

Знакомые Леонтьева вспоминают, что, как человек страстный, в свое время он был чуть ли не влюблен в генерала Лебеда. Быть может, видел в грубоватом десантнике своего Аугусто?

Михаил любит оружие, любит пострелять. Говорят, ездит на «динамовское» стрельбище. Но это так, к слову.

...В 1993 году Леонтьев пришел к Владимиру Гусинскому и сделал то-

му интересное предложение. Он этого и сейчас не скрывает:

– Я соблазнил Гусинского на занятие медиабизнесом. Володя тогда отстраивал систему черного пиара. Я ему сказал: ну сколько можно покупать продажных журналистов? Давай газету сделаем.

Газета называлась «Сегодня». Леонтьев стал заместителем главного редактора (быть главным – со всеми производственными проблемами – он не захотел). Он был идеологом.

Но после президентских выборов 1996 года Гусинский потерял интерес к газете. Вскоре оттуда ушел и Леонтьев:

– Мы все сделали корректно. Гусинский был хозяин. Свои обязательства он выполнил. Ни о какой свободе слова мы не кричали. Хотя, честно говоря, поводом к уходу было снятие моей заметки, которая шла поперек политики «МедиаМОСТА». Мне казалась неубедительной идея, что Лебедь готовит государственный переворот.

Светлый Путин

В начале 1997 года Михаила пригласили вести программу на канале ТВ-Центр. С собой он привел «сменщицу», Ольгу Романову, которую знал еще со времен «Независки».

– Сначала, – вспоминает Ольга, – он воспринимал это все просто как хобби.

Леонтьев же всякий раз подчеркивал, что на московский канал пришел он вовсе не к Лужкову, чей «мелкопоместный социализм» ему вовсе не был мил, а с командой Анатолия Лысенко.

– По поводу Мишиного внешнего вида, – говорит Романова, – возражения были страшными. Но он не носит галстук, и с этим ничего нельзя сделать.

На ОРТ Леонтьева позвал Игорь Шабдурасулов, тогда генеральный директор телекомпании. Но совершенно очевидно, что это была идея хозяина канала Бориса Березовского. Ему же будто бы подсказал Александр Невзоров.

Надо заметить, в своих программах на ТВЦ Леонтьев отпускал немало резких выражений в адрес Березовского, и ничего, Борис Абрамыч не затаил обиды. Сейчас Леонтьев тоже высказывается:

– Я во многом Березовскому благодарен. Он не то что ни во что не вмешивался – позволял мне делать что хочешь. И еще надо отдать ему должное: по крайней мере передо мной он никогда не тряс мощной. Я это расцениваю как комплимент. У меня никогда не было финансовых отношений с Березовским. У меня были финансовые отношения с ОРТ.

...Звездным часом Леонтьева следует считать его большое телевизионное интервью с Путиным. Они сошлись. Хладнокровный полковник ГБ и пылкий объект доносов. На вопрос, кто был инициатором этой встречи, Михаил пожимает плечами:

– Я не знаю, мне предложили... Предложили оттуда. Сказали, что там хотят, чтобы я. Я с удовольствием согласился.

Однако время. Его время.